

Геннадий Бойченко

Город и его имена

Геннадий Бойченко

Город и его имена

«Издательские решения»

Бойченко Г.

Город и его имена / Г. Бойченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933182-3

В своём очерке «Город и его имена» автор знакомит читателей с историей одного из древнейших городов России, Керчи, через призму названий, который носил город на протяжении 26 веков.

ISBN 978-5-44-933182-3

© Бойченко Г.
© Издательские решения

Город и его имена

Геннадий Бойченко

*Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.*

Александр Пушкин

© Геннадий Бойченко, 2018

ISBN 978-5-4493-3182-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наши пращуры верили в силу слова, полагая за ним способность материализовываться. Оттого они тщательно подбирали имена новорожденным, ибо считали, что раз выбранное и данное ребёнку имя будет вести его по жизни до самого гроба. Это представление разделяли, пожалуй, все народы мира, но жители Востока пошли ещё дальше в своём трепетном отношении к слову: коль скоро имя человека хранит его судьбу, то и открывать его стороннему наблюдателю не стоит – мало ли что может из этого приключиться? С тех пор в некоторых странах появилась удивительная традиция: по достижении человеком определённого возраста ему давалось новое имя, которое характеризовало его, дело, которым он занимается, и становилось этапом в жизни этого человека. Иногда у него таким образом накапливалось несколько имён, между коими человек «передавался», как эстафетная палочка. А имя, полученное при рождении, так и оставалось сокрытым от внешнего мира до последнего часа его обладателя, выполняя роль личного оберега.

Я не зря начал своё повествование с этого необычного примера. Города – они ведь как люди: рождаются, порой в муках, взрослеют, расцветают в прекрасные цветы, живут и затем умирают. И случаются в их жизни моменты, когда приходится раз данное при рождении имя сменить на новое. Иногда таких переименований приключается не одно и не два, и каждое знаменует новую эпоху в жизни города. И Керчь – яркое тому подтверждение.

Вообще, это удивительное место! Маленькая, тихая, провинциальная, стоящая на берегу пролива у края знойной, выжженной летним солнцем степи, хотя тоже необычной – керченской степи, продуваемая всеми ветрами 365 дней в году, с промозглой сырой зимой, но вместе с этим уютная, красивая, древняя Керчь. В общем, город со своим лицом, неповторимым, выделяющимся из толпы, и с почти сразу же бросающейся в глаза индивидуальностью. Оно и понятно: двадцать шесть веков – это не шутка! За такой-то период даже среднего качества вино настоится, обретёт выдержку и станет настоящим нектаром, а затем столь же закономерно превратится в укус, ибо, как говорили стародавние арабы, «всё боится времени». А уж имён-то город сменил за эти два с половиной тысячелетия – и не счесть!

Имена были разные: вполне реальные, которыми сами жители именовали свою малую родину, и такие, коими называли город заезжие купцы и мореходы, а были и те, которые своим появлением на свет обязаны курьёзным ошибкам картографов и переписчиков старинных манускриптов, но всё это – наша история, ибо за каждым таким именем – и вполне реальным, и вымышленным – стояли живые люди со своим языком и верованиями, страхами и надеждами. Давайте же совершим путешествие в прошлое нашего города и посмотрим, как Керчь меняла свои имена, взрослея и становясь мудрее...

Наша история начинается на заре VI ст. до Р.Х., когда в Керченскую бухту пришёл корабль с милетскими переселенцами. Они сошли на берег, осмотрелись и основали поселение, которое со временем выросло в город (точнее – полис). Дальше – больше: город мало-помалу подмял под себя округу, затем – такие же поселения по сю (а позднее – и по иную) сторону пролива и стал во главе царства, получившего название в честь этого самого пролива, – Боспорского. Государство росло и богатело: воистину, это была земля с молочными реками и кисельными берегами. Воды пролива и прилегающих к нему морей кишели рыбой, а плодородные земли керченской степи давали обильные урожаи пшеницы. Несмотря на то, что Боспорское царство находилось на самом, что ни на есть, краю Ойкумены, вести о нём доходили до центров тогдашней цивилизации: сперва – до Эллады, затем – до Рима. В общем, это был самый настоящий Золотой век в истории города: столица небольшого, но богатого царства – чего желать больше? И правда, больших вершин в своей многовековой истории он уже не достигнет.

«Но позвольте, – скажет любознательный читатель. – А как же имя? Как называли отцы-основатели свой город?». Поселение, выросшее спустя десятилетия в полис, а потом и град престольный, греки нарекли весьма своеобразно – **Пантикапей** (Παντικαπεί).

Что означает это имя? По данному вопросу существуют несколько версий. Самое первое объяснение возникновения города и, соответственно, его имени дал в своём энциклопедическом словаре «Этника» философ VI в. от Р. Х. Стефан Византийский. Он пересказал легенду о том, как некий эллин, сын Эзита, основал город на участке земли, полученном от царя скифов Агаэта, и назвал этот город по имени текущей тут же реки Пантикапа. История интересная, но мало что проясняющая. И поскольку иные рассказы об основании города до нас из глубины веков не дошли, учёные мужи пытаются прояснить этимологию городского имени, опираясь на данные языкознания. Есть два предположения, объясняющие происхождение названия «Пантикапей», каждое из которых по-своему интересно и имеет право на жизнь.

Согласно одной, грекоязычной, версии это слово означает что-то вроде «всё в садах». На первый взгляд может показаться, что такое объяснение слишком натянуто. Прежде всего, эллинские переселенцы прибыли в край кочевников и скотоводов, а не земледельцев, и вряд ли могли иметь удовольствие лицезреть тут сады и бахчу. Далее – многие историки полагают, что местный климат в античные времена мало чем отличался от современного, разве что вследствие меньшего, чем сейчас уровня моря (приблизительно на 4 – 5 метров), он был более континентальным, а сам регион страдал от недостатка воды – согласитесь, это не самые благоприятные условия для разведения садов. Кроме того, масла в огонь подливают и древние авторы, живописуя ужасы боспорских зимы и лета. Так, например, старший современник Христа, древнегреческий историк и географ Страбон, отметив в своём труде «География» применительно к Керченскому полуострову все признаки, присущие суровым зимам, привёл пример, который наверняка поразил современную ему читающую публику из Средиземноморья, – рассказ о том, как на Боспоре от морозов лопаются медные сосуды, наполненные водой.

Впрочем, как уже говорилось, эта версия выглядит слабой лишь на первый взгляд. Стоит лишь обратиться к трудам древних естествоиспытателей, как перед глазами возникнет иная картина. Другой античный писатель, отец ботаники и преемник великого Аристотеля в управлении его знаменитой школой перипатетиков Феофраст, живший на рубеже IV – III вв. до Р.Х., следующим образом охарактеризовал растительное богатство региона: «Из садовых растений хуже всего, говорят, в холодных странах приживается лавр и мирт, мирт в особенности <...> На Понте, около Пантикапея, нет ни того, ни другого дерева, хотя там и всячески старались развести их, так как они требуются при священнодействиях. Зато много высоких смоковниц и раскидистого гранатника, а больше всего груш и яблонь, самых разнообразных и превосходных сортов. Есть и весенние, только поспевают они позднее, чем в других местах. Из лесных деревьев имеются дуб, вяз, ясень и т.п.; сосны, пихты и алеппской сосны нет, как нет вообще

смолистых деревьев. Лесной материал оттуда пропитан влагой и гораздо хуже синопского...». В этой цитате необходимо обратить внимание на два примечательных обстоятельства, которые, как кажется, всё расставляют на свои места: во-первых, смоковница – это растение, которое произрастает в субтропиках, а гранат – в субтропиках и тропиках; во-вторых, на более влажный, чем сегодня, климат на полуострове указывает сырость древесины, на которую акцентировал наше внимание Феофраст.

По другой версии, на которой особо настаивают лингвисты, название полиса имеет иранские корни и переводится на русский язык как «рыбный путь» или даже «холм у пролива». Вроде бы логично: два моря под боком, город стоит на вершине большого холма у самого пролива, через который туда-сюда идут миграции ценных пород рыбы, включая осетровых. Собственно говоря, эта версия нашла отражение и в местной монетной чеканке: на многих монетах Боспорского царства среди прочих его символов можно встретить и изображение осетра.

Кстати, о монетах. Логика подсказывает, что название с иранскими корнями явно не могло быть изначальным. Среди всех полисов, основанных эллинскими переселенцами в Северном Причерноморье в VI в., кроме Пантикапея, пожалуй, лишь несколько греческих поселений имели названия с негреческими корнями (Тиритака, Корокондама, Тирамба). Этимология же имён основной массы городов, заложенных переселенцами приблизительно в то же время (Феодосия, Нимфей, Мирмекий, Гермонасса, Фанагория, Кепы), ведёт нас к эллинским истокам. Такую приверженность к чужим языковым традициям историки связывали с тем, что Пантикапей и некоторые другие поселения основывались на местах, где ранее существовали туземные населённые пункты. Однако новейшие археологические изыскания показали, что это не так: западное побережье Керченского пролива к моменту прибытия туда греческих колонистов не было заселено. В связи с этим логично было бы предположить, что «Пантикапей» – это более позднее название полиса, полученное им уже в тот период, когда греки вошли в контакт со скифами и начался процесс эллинизации последних.

Делались даже попытки реконструировать это первое, ещё грекоязычное, название города, и кто-то даже робко упоминал такое имя – **Аполлония Таврическая**. А что? История эллинской колонизации знает полисы с аналогичными именами, разбросанные по всему Средиземноморью, – Аполлония Иллирийская, Аполлония Понтийская, Аполлония Киренская и ещё масса прочих Аполлоний. Чем мы-то хуже! Тем более, что уже в конце VI в. до Р.Х. в Пантикапее возводится грандиозный храм в честь Аполлона, покровителя полиса, а на его монетах во всю чеканятся атрибуты этого бога – головы льва и барана и восьмиконечная звезда. Кроме того, известно несколько монетных чеканок, выполненных параллельно с пантикапейскими на монетном дворе города, на которых отобразилось не характерная для пантикапейских монет надпись «ΠΑΝΤΙ», а «ΑΠΟΛ».

Впрочем, как уже было сказано, это всего лишь предположение. Дальнейшие исторические штудии показали, что монетная серия с надписью «ΑΠΟΛ», хотя и связана с греческим богом света, но никакого отношения к Аполлонии Таврической не имеет, а является федеративной монетой: аккуратно в рассматриваемое время, на рубеже VI – V ст. до Р.Х., на берегах Боспора Киммерийского формируется то ли симмахия (оборонительно-наступательная федерация автономных полисов), то ли торгово-экономическая конфедерация, направленная на монополизацию торговли боспорских греков с окружающими их варварами, – точнее историки пока сказать не могут. Пантикапей выступил в роли лидера, вокруг которого и объединялись другие греческие поселения – участники союза, а храм Аполлона, построенный на пантикапейском акрополе, являлся общепоспорской союзной святыней, возведённой в честь патрона Милета и его колоний и патрона союза. Под эгидой этой святыни и производилась чеканка монет с такой характерной надписью.

Со следующим переименованием города мы сталкиваемся в 10-е гг. до Р.Х. После гибели на акрополе Пантикапея Митридата Великого и смерти его сына Фарнака II в Боспорском цар-

стве в течение нескольких десятилетий шла борьба за власть, основным лейтмотивом которой было стремление новорожденной Римской империи подчинить своей воле это отдалённое государство. В конечном итоге борьбу за престол Пантикапея выиграла внучка Митридата и дочь Фарнака, Динамия, которая достигла цели ценой превращения Боспора в вассала Рима. В качестве знаков своего повиновения и лояльности принцепсу сената Октавиану Августу престарелая царица установила изображение Августа и его супруги Ливии в главных городах царства с посвящением следующего содержания «Императора, Цезаря, сына бога, Августа [его изображение], всей земли и всего моря правителя, своего спасителя и благодетеля [поставила] царица Динамия, друг римлян». А далее, придерживаясь общеримской практики переименования в честь принцепса сената городов в различных областях империи и зависимых государствах, Динамия изменила названия двух крупнейших городов своего царства – Пантикапея и Фанагории: первый стал **Кесарией** (Καίσαρεία), а второй – в честь друга и ближайшего соратника Октавиана Августа, Марка Випсания Агриппы, – Агриппией. Хотя, следует признать: как и всякое конъюнктурное решение, новые имена не пережили царицу и канули в Лету почти сразу же после её смерти.

Мы же пойдём дальше. Итак, после девятивековой истории Пантикапея, как полиса и столицы Боспорского царства, в 70-е гг. IV ст. уже нашей эры в крымских степях появились гунны. Несмотря на существующее представление о них, как о Биче Божьем, призванном покарать человечество за грехи его и оттого разрушающем всё и вся на своём пути, Боспор выстоял, хотя и был изрядно потрёпан. Во всяком случае, традиция престолонаследия сохранилась, и имя последнего известного науке царя из династии Тибериев – Юлиев, некоего Тиберия Юлия Дуптуна, зафиксировано в источниках аж под 483 годом! Впрочем, это не отменяет упадка, который переживало государство вследствие гуннского нашествия. А после того, как пресеклась династия, боспориты в первой четверти VI в. направили к византийскому императору Юстину I посольство с просьбой принять их в своё подданство.

Отправка посольства именно в Константинополь, кроме могущества Восточной Римской империи, очевидно, определялась ещё и конфессиональным единством жителей мощного государства на южном побережье Чёрного моря и небольшого царства на его северных берегах: средневековый человек, в отличие от человека Нового времени, жил в иной системе координат и определял свою принадлежность к той или иной общности людей не по языковому признаку, но по вере в одного и того же бога. А боспориты, как и византийцы, были христианами. Причём, что характерно, по-видимому, именно через Боспорское царство христианство попало в Крым. Во всяком случае, первые погребения христиан тут датируются III ст. от Р.Х., тогда как в Херсонесе они появились через добрую сотню лет – в IV в. А в 325 году епископ Боспора, некий Кадма, уже участвовал в первом Никейском соборе – том самом, на котором клирики, собравшиеся со всей империи и прилегавших к ней земель, совместными усилиями приняли Символ Веры, – и поставил свою подпись под его протоколами. Как предполагают историки, кроме собственно боспорского епископства, в городе находилась и кафедра епископа го

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.